

УДК 323.2+32.019.51

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИЙНОЙ ГРАМОТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассматриваются отдельные положения федеральных законов Российской Федерации («О средствах массовой информации», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»), способствующие формированию медийной грамотности. Обосновано политическое значение медийной грамотности.

Ключевые слова: медийная грамотность, федеральные законы Российской Федерации, политические аспекты медийной грамотности, массмедиа.

Political and Legal Aspects of Providing Media Literacy in Modern Russia

A. A. Kazakov

Certain premises of the federal laws of the Russian Federation (i.e. «About Mass Media», «About Information, Information Technologies, and Protection of Information», «About Providing Access to Information Concerning State and Municipal Bodies' Activity») conducive to the media literacy formation are considered in this article. Political dimension of media literacy is substantiated.

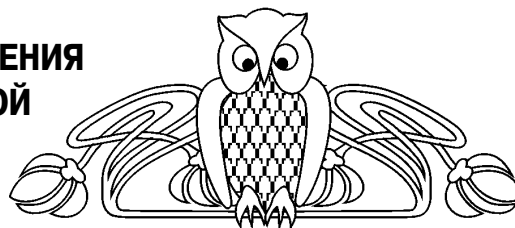
Key words: media literacy, federal laws of the Russian Federation, political aspects of media literacy, mass media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-75-79

В XXI в. способность ориентироваться в постоянно увеличивающихся потоках информации становится все более необходимой. Та скорость, с которой сегодня неуклонно возрастает объем производимых и распространяемых социально значимых сведений, вкупе с постоянным техническим совершенствованием платформ, при помощи которых их можно получать, серьезно ограничивают возможности человека эффективно перерабатывать обрушивающиеся на него терабайты данных.

Плюс ко всему в мире массмедиа все более заметной становится тенденция, когда информирование аудитории все чаще уступает место манипулированию. При этом в самих материалах и текстах средств массовой информации об этом говорится едва ли не ежедневно: журналисты постоянно «ловят» своих коллег на лжи, передегивании или подтасовке фактов, неверной их интерпретации и тому подобных вещах.

Что сам человек может всему этому противопоставить? На наш взгляд, только осведомлен-

ность о наиболее типичных способах скрытого воздействия на сознание аудитории и умение им противодействовать. В контексте данного исследования мы будем называть это медийной грамотностью. Более конкретно это понятие определяется нами как способность индивида эффективно находить интересующую его информацию, проверять ее достоверность, сопоставлять сведения из различных источников и при наличии соответствующей необходимости самому создавать информационные сообщения.

Анализ работ занимающихся данной проблематикой ученых дал нам основания утверждать, что среди отечественных специалистов преобладает тенденция изучения медийной грамотности в русле либо педагогики, либо журналистики или лингвистики. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что российские ученые предпочитают называть комплекс отмеченных навыков и умений несколько иначе – информационной грамотностью, информационной компетентностью, медийной или информационной культурой.

Не отрицая важности исследования этого феномена в таком контексте, мы, тем не менее, убеждены, что медийная грамотность важна и в сугубо социально-политическом (а порой и в международно-политическом) измерении. Более того, важнейшую роль в ее формировании играют и правовые механизмы.

Проанализировав комплекс правовых документов, в которых содержатся положения, имеющие прямое или косвенное отношение к интересующему нас феномену, мы сочли целесообразным условно разделить их на две группы: концептуальные основы обеспечения права на получение достоверной информации (как правило, они содержатся в Конституции, Концепции государственной информационной политики и Доктрине информационной безопасности Российской Федерации) и целый ряд более частных и конкретных правовых факторов, влияющих на медийную грамотность. В предыдущем выпуске данного журнала нами были рассмотрены те из них, что относятся к первой из выделенных групп¹. Настоящая же статья посвящена анализу комплекса связанных с информацией прав и свобод, прописанных в ряде федеральных законов.

Начать их анализ считаем целесообразным с Федерального закона «О средствах массовой информации», принятого в 1991 г. и впоследствии неоднократно редактировавшегося (на момент

написания данной работы последняя редакция датировалась 5 апреля 2016 г.).

Закрепленная в Конституции Российской Федерации гарантия свободы массовой информации развивается в первой же статье этого Закона: «...поиск, получение, производство и распространение массовой информации; учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими; изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации, не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации»².

В ст. 3 Закона «О средствах массовой информации» раскрывается еще одно конституционное положение – о запрете цензуры. При этом отдельно говорится о недопущении создания и финансовой поддержки организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи или функции которых входило бы осуществление цензуры массовой информации.

Не умаляя важности данных положений, отметим, что в контексте вопросов медийной грамотности наибольшую ценность представляет содержащееся все в той же ст. 3 определение цензуры – «требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей»³.

Разделяя общую логику подобного определения цензуры, мы между тем хотели бы обратить внимание на один момент. В современной журналистской практике иногда имеют место случаи, когда сами материалы массмедиа предварительно никто (кроме членов редакции) не просматривает, однако при этом со стороны государственных структур или владельцев того или иного издания существуют вполне определенные негласные установки о том, что можно освещать, а что – нет, о ком писать «хорошо», а о ком – «не очень» и т. п.

С точки зрения духа закона, подобные вещи, на наш взгляд, вписываются в определение цензуры. Однако буквально в рассматриваемом документе они не прописаны. Считаем данный тонкий момент одним из тех, за счет уточнения которых законодательное определение цензуры вполне можно было бы сделать более конкретным и соответствующим имеющей сегодня место действительности.

Не менее важным в контексте медийной грамотности представляется и положение, закреп-

ленное в ст. 38 настоящего Закона: «Граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц»⁴.

Ключевыми в этом положении мы считаем слова «оперативное» (получение информации) и «достоверных» (сведений). Считаем, что именно быстрота предоставления ответа на поступивший запрос и качество предоставляемой информации (с точки зрения ее соответствия действительности) являются критически важными для формирования медийной грамотности гражданина показателями.

С другой стороны, если степень оперативности еще можно хоть как-то измерить количественно, то вот достоверность – вряд ли. Отсюда – возможные споры и конфликты вокруг трактовки данного термина. В плане обеспечения условий для развития медийной грамотности личности эта смысловая неопределенность может иметь серьезное значение.

Совершенно оправданными и необходимыми нам представляются содержащиеся в ст. 40 нормы, конкретизирующие основания для отказа и отсрочки в предоставлении запрашиваемой информации: «Отказ в предоставлении запрашиваемой информации возможен, только если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну <...> Отсрочка в предоставлении запрашиваемой информации допустима, если требуемые сведения не могут быть представлены в семидневный срок. Уведомление об отсрочке вручается представителю редакции в трехдневный срок со дня получения письменного запроса информации»⁵.

Как видим, Закон предельно конкретно определяет причины, по которым те или иные сведения не могут быть обнародованы, а также сроки, в течение которых запрашиваемые данные должны быть предоставлены. С точки зрения возможностей конкретного индивида реализовать имеющееся у него право на информацию, эти нормы, безусловно, важны.

Статьи 43, 44 и 46 Федерального закона «О средствах массовой информации» регулируют порядок реализации права на опровержение и на ответ. «Гражданин или организация вправе потребовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их честь и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации <...> Если редакция средства массовой информации не располагает доказательствами того, что распространенные им сведения соответствуют действительности, она обязана опровергнуть их в том же средстве массовой информации»⁶. «Гражданин или организация,

в отношении которых в средстве массовой информации распространены сведения, не соответствующие действительности либо ущемляющие права и законные интересы гражданина, имеют право на ответ (комментарий, реплику) в том же средстве массовой информации»⁷. При этом отдельно четко устанавливаются сроки, объемы и прочие технические аспекты опровержения и ответа.

Разумеется, эти права очень важны для тех, чья репутация и доброе имя пострадали по вине журналистов. Однако полагаем, что это так же важно и для всех остальных, кто формирует свои представления о действительности, исходя из материалов средств массовой коммуникации. Ведь если бы у «пострадавших» не было возможности публично «поправить» массмедиа, у аудитории, в свою очередь, было бы гораздо меньше шансов узнать истину.

Естественно, мы отдаем себе отчет в том, что далеко не каждый зритель, читатель, слушатель или пользователь в ежедневном режиме внимательно отслеживает подобные ситуации. Вместе с тем мы убеждены в том, что, если человек действительно заинтересован в получении максимально объективной информации о происходящем, эти правовые нормы помогут ему в этом. Полагаем, что забота о повышении уровня медийной грамотности – дело не только государства, но и самого человека.

Из комплекса содержащихся в Федеральном законе «О средствах массовой информации» правовых норм хотелось бы отдельно отметить обязанность журналиста проверять достоверность сообщаемой им информации⁸. Вне всяких сомнений, в контексте формирования медийной грамотности аудитории это действительно очень важно. Не имея возможности наблюдать большинство происходящих в мире событий лично, мы вынуждены полагаться на журналистов. Они же, в свою очередь, учитывая социальную миссию своей профессии, должны очень ответственно относиться к тому, что сообщают широкому кругу людей.

Однако во всем этом нам видится как минимум три потенциальных проблемы. Во-первых, как узнать, проверил ли на самом деле журналист эту самую достоверность? И если проверил, насколько тщательно он это сделал? В отдельных массмедиа, например, принято получать подтверждение тому или иному факту из двух или трех не зависящих друг от друга источников. Если бы подобная система была у всех, у критически мыслящей аудитории, скорее всего, было бы меньше сомнений в «качестве проверки» транслируемой ей информации.

Во-вторых, Законом не предусмотрена четкая мера ответственности за невыполнение упомянутой обязанности. Стало быть, не совсем понятно, чем рискует журналист, не способный или не желающий удостовериться в истинно-

сти собственного сообщения. Возможно, иногда сотруднику того или иного средства массовой информации легче (или выгодно) вообще не утруждать себя подобными вещами или же, если предположить самое плохое, вовсе выдавать недостоверный факт за правдивый.

Наконец, в-третьих, как быть с материалами, предполагающими не сообщение фактов, а их интерпретацию и оценку? Что, если журналист просто излагает собственные мысли по тому или иному поводу и при этом вольно или невольно искажает действительность? Вряд ли в таком случае его можно будет обвинить в нарушении обязанности проверять достоверность сообщаемой информации.

Нужно заметить, что в ст. 51 Закона «О средствах массовой информации» отчасти предусматривается опасность злоупотребления журналистами своими правами: «Не допускается использование установленных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации»⁹. Однако при этом снова не обозначается характер ответственности за подобного рода правонарушения.

Иными словами, в очередной раз имеет место ситуация, когда в законе совершенно правильно обозначены возможные угрозы формированию медийной грамотности граждан, но при этом не прописаны конкретные меры ответственности за несоблюдение соответствующих норм.

Завершая анализ Закона «О средствах массовой информации» на предмет содержащихся в нем норм, влияющих на информационную компетентность граждан, нельзя не упомянуть еще одно положение. В ст. 54 говорится о том, что «гражданам Российской Федерации гарантируется беспрепятственный доступ к сообщениям и материалам зарубежных средств массовой информации», разъясняется порядок получения разрешения на распространение продукции иностранных массмедиа и прописываются основания для его ограничения¹⁰.

С точки зрения вариантов повышения уровня медийной грамотности личности, доступ к зарубежным источникам информации трудно переоценить. На наш взгляд, возможность соотнести информацию, получаемую от ответственных журналистов, с тем, что и как говорится по этому поводу их иностранными коллегами, является одним из важнейших условий эффективного поиска объективной информации. При этом мы далеки от того, чтобы считать представителей зарубежной медиа-индустрии образцом профессионализма и порядочности. Полагаем, что случаи злоупотребления журналистскими правами встречаются как в России, так и за ее пределами.

Один из свежих (на момент написания данной статьи) примеров ситуаций, когда иностранный журналист проявляет необъективность, – конфликт вокруг внештатного сотрудника немецкого канала ARD Хайо Зеппельта – автора серии фильмов о допинге в российском спорте. Главными героями одной из его лент были легкоатлетка Юлия Степанова и ее супруг, бывший сотрудник РУСАДА Виталий Степанов. Они обвинили российских спортсменов в систематическом употреблении допинга, что стало едва ли не главной сюжетной линией всей картины. Однако позже представители канала и Зеппельта заявили, что, во-первых, они не проверяли утверждения супругов Степановых по состоянию дел в легкой атлетике, а во-вторых, они под протокол подтвердили, что сами считают эти высказывания не соответствующими действительности¹¹.

На самом деле примеров подобной профессиональной недобросовестности можно привести очень много. И именно поэтому в поисках истины нам представляется целесообразным регулярно сравнивать информационный контент отечественной и зарубежной прессы. Убеждены, что чем больше сообщений об одном и том же событии, факте или процессе будет просмотрено (в идеале – вышедших в эфир или опубликованных на различных по своим политическим «ориентациям» ресурсах), тем более близкое к действительности представление о происходящем сложится у конкретного человека.

Зафиксированные в Конституции и иных нормативно-правовых актах права человека в области информации раскрываются и конкретизируются в двух других федеральных законах: «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Первый регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применении информационных технологий и обеспечении защиты информации. Среди прочего, в нем сформулированы принципы правового регулирования отношений в сфере информации, к числу которых в том числе отнесены: «свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом»; «установление ограничений доступа к информации только федеральными законами»; «открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации, кроме случаев, установленных федеральными законами», а также «достоверность информации и своевременность ее представления»¹².

Кроме этого, в данном Законе за физическими лицами закрепляется «право на получение от

государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы» и говорится о том, что не может быть ограничен доступ к информации о состоянии окружающей среды и о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну)¹³.

Режим доступа к информации о деятельности органов власти конкретизируется в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». В контексте медийной грамотности среди затронутых в нем сюжетов наиболее актуальным нам представляется следующее.

Во-первых, это отнесение к числу основных принципов обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления открытости, доступности и достоверности¹⁴. Во-вторых, это упоминание достоверной информации еще в двух аспектах: как одного из прав пользователя информацией и как одного из требований при обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления¹⁵.

Как видим, в данном Законе, как, впрочем, и в большинстве других, рассмотренных выше, постулируются привычные, в общем-то, вещи: доступность, открытость, достоверность информации, оперативность ее предоставления и т. д. Все это, безусловно, является необходимым требованием для обеспечения условий по повышению уровня медийной грамотности. Необходимым, но, к сожалению, недостаточным.

Проблема нам видится здесь в том, что одного только декларирования этих столь важных принципов, как правило, оказывается недостаточно. Отсутствие четко прописанных параметров ответственности за их нарушение, по нашему мнению, существенно снижает их позитивный потенциал в контексте медийной грамотности.

К тому же сами по себе правовые механизмы не в состоянии гарантировать получение объективной информации. Они, скорее, создают необходимые для этого условия. Для достижения же искомого результата человек сам должен прилагать к этому определенные усилия.

В этом смысле нам представляется очень важным внедрение в российских вузах практики преподавания основ медийной грамотности. За рубежом подобные курсы читаются не только для студентов «профильных» специальностей, но и – по желанию – для всех тех, чья будущая работа совсем не связана с журналистикой или

анализом медиа-текстов. Мы убеждены, что подобный шаг был бы очень важен в плане формирования как общей, так и политико-правовой культуры российских граждан. Ведь в конечном итоге медийно грамотная личность – залог успешного и стабильного развития общества.

Примечания

- ¹ См.: Казаков А. Концептуальные основы политико-правового обеспечения медийной грамотности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, № 4. С. 438–443. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-438-443.
- ² О средствах массовой информации : федер. закон от 27.12.1991 № 2124–1 (ред. от 05.04.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.

- ⁶ Там же. Ст. 43.
- ⁷ Там же. Ст. 46.
- ⁸ Там же. П. 2 ст. 49.
- ⁹ Там же. Ст. 51.
- ¹⁰ Там же. Ст. 54.
- ¹¹ См.: Телеканал ARD признал лживыми заявления из фильма о допинге в России. URL: <https://lenta.ru/news/2016/06/11/seppelt> (дата обращения: 11.06.2016).
- ¹² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹³ Там же. П. 2, 4 ст. 8.
- ¹⁴ См.: Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : федер. закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 776.
- ¹⁵ Там же. Ст. 8, 11.

Образец для цитирования:

Казаков А. А. Политико-правовые аспекты обеспечения медийной грамотности в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 75–79. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-75-79.

Cite this article as:

Kazakov A. A. Political and Legal Aspects of Providing Media Literacy in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 75–79 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-75-79.
